

В. А. Шекалов,
доцент кафедры художественного образования ребенка

**ДИСЦИПЛИНА «ИСТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ»
В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ И БАКАЛАВРА ПЕДАГОГИКИ
(АНАЛИЗ 20 ЛЕТ РАБОТЫ)**

Цель художественно-эстетической подготовки любого студента педагогического университета — бакалавра, магистра, специалиста, любого будущего работника системы образования — учителя, воспитателя, руководителя — состоит не только и не столько в том, чтобы выпускник впоследствии вел предметы художественно-эстетического цикла (хотя многие учителя преподают изобразительное искусство, художественный труд, историю и культуру Санкт-Петербурга). Важнее сформировать полноценную творческую личность, обладающую широким кругозором, человека, который стремится — и умеет — эстетически насытить преподавание всех предметов, создать эстетически полноценную среду в классе, в школе. Важнейшим средством этого является художественная культура, искусство.

Педагогическая ценность искусства в том, что оно, являясь особой формой познания и самопознания народа, личности, концентрированно воплощает многовековой духовный, эмоциональный опыт, базовые ценности человечества. Причем воплощает не в понятийной, а в образной форме, воспринимаемой многоуровнево, комплексно. Нет народа, у которого не было бы своего искусства. Уже в период позднего палеолита, когда человек еще не знал даже лука и стрел, создавались изображения, признанные сегодня шедеврами. По мере исторического развития человечества менялись эстетические идеалы, художественные стили, жанры, многое из достижений прошлого отвергалось, даже уничтожалось, но неизменными оставались два момента: 1) определенная замкнутость художественной культуры и 2) внимание общества к искусству, понимание его общественно-воспитательной функции.

Сегодняшняя ситуация беспрецедентна. Благодаря открытости в области культуры и развитию технических средств, мы имеем безграничное разомкнутое культурное пространство. Сейчас нет, пожалуй, уголка во всей истории и географии художественной культуры, который не был бы при определенных, часто минимальных, усилиях доступен любому. На прилавках — любые книги, любые записи, любые фильмы. В Интернете — любые сайты. Но именно *любые*. В этом таится и огромная опас-

ность. Лишившись официальной цензуры, общество как будто потеряло инстинкт самосохранения, перестало ограждать себя от негативных, разрушительных воздействий. Более того, официальная культура (а что такое 1, 2 каналы ТВ, как не официальные каналы?) стала откровенно вульгарно-агрессивна. Хотя *пространство* художественной культуры предоставляет безграничный выбор позитивного, бесценного во всех отношениях материала, доминирующая культурная *среда* строится, как правило, на материале, крайне ограниченном, зачастую низкопробном в художественном и опасном в нравственно-эстетическом отношениях. В условиях агрессивно-наступательной среды *культурное поле* личности¹ становится также все более ограниченным, а главное — все более сужающимся, все менее гибким. В музыкальном восприятии, в частности, формируется так называемая «замкнутая» слуховая настройка, ориентированная на ритмико-гармонические формулы рок- и поп-музыки и делающая невозможным выход на другие стилистические пласты.

В этих условиях менее чем когда-либо раньше можно рассчитывать на то, что полноценное культурное поле будущего специалиста сформируется «само собой», под воздействием художественной среды. Учебное заведение должно помочь выпускнику ориентироваться в необъятном пространстве художественной культуры, структурировать его, помочь научиться находить художественно и педагогически ценный — для себя, ребенка, педагогического процесса — материал, а затем уже учить конкретным методикам, технологиям художественного образования и эстетического воспитания. Курс «История художественной культуры» оказывается базовым по отношению к этим методикам, так же как курсы русского языка, математики, природоведения являются базовыми по отношению к соответствующим методи-

¹ О соотношении понятий «пространство художественной культуры», «художественная среда», «культурное поле» см.: *Воюшина М. П.* Структура культурного поля школьника в статике и динамике // Эстетическое пространство детства и формирование культурного поля школьника: Материалы Первой Всероссийской науч.-метод. конференции. СПб., 15–16 февр. 2006 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2006. С. 5–11.

кам и технологиям. Признание или игнорирование этой аксиомы составителями учебных планов определяет развитие всей системы художественно-эстетического воспитания и образования студентов.

Дальнейшее изложение является исследованием эволюции роли, места этого курса в системе подготовки специалиста (учителя начальных классов) и бакалавра педагогики на факультете начального образования, затем — отделения начального образования института детства РГПУ им. А. И. Герцена, и одновременно — своего рода отчетом автора о более чем двадцатилетней «проделанной работе» с 1984 г. За эти годы я был свидетелем изменений в отношении к данной дисциплине как со стороны студентов, так и вышестоящих органов — деканата, министерства. Первое проявлялось в посещениях, активности, оценках, второе — в **учебных планах.**

В учебном плане середины 1980-х гг. эстетические дисциплины ограничивались тремя методиками: изобразительного искусства, трудового и музыкального воспитания (правда, последняя включала раздел «Музыкальная литература и основы теории музыки»), а также факультативное индивидуальное обучение игре на фортепиано, что давало дополнительные возможности для индивидуальной работы со студентами). Никаких базовых курсов, дававших бы представление о развитии художественной культуры, искусства в целом, не предусматривалось. В тот период по целевому набору принимали немало студентов из Ленинградской области. Анкетирование показывало, что многие из них ни разу не бывали ни в одном из филармонических залов, а некоторые даже в оперных театрах и музеях. Стремясь как-то ликвидировать эти зияющие пробелы, преподаватели кафедры на общественных началах начали проводить обзорные лекции по темам «Музыкальный Ленинград», «Театральный Ленинград», «Музеи Ленинграда». Чтобы подчеркнуть их неформальный характер, лекции проводили даже не в аудиториях, а в рекреации, в специально отведенное для «общественных мероприятий», удобное для студентов время. Но главное, преподаватели организовывали — опять-таки на общественных началах — экскурсии в музеи, посещения филармонии, Капеллы, оперных театров, выставок и пр. Активно помогали в этой работе культоргги групп. налаженные личные контакты позволяли проводить группы студен-

тов бесплатно или за символическую плату даже на спектакли Мариинского театра, не говоря уже об Оперном театре и Малом зале консерватории, Капелле.

Настал период, когда мы были услышаны. В 1988 г. декан, профессор, доктор педагогических наук Н. М. Дружинина и замдекана, старший преподаватель нашей кафедры В. И. Щеглов создали учебный план, в котором появился предмет «Эстетическое воспитание с основами художественной культуры». Он велся на протяжении 6 (!) семестров (1 час в неделю на первом и третьем курсах и 1,5 часа на втором). Кроме того, имелось немало дисциплин, с которыми можно было осуществлять корреляцию: «Философия», «История религии», «Этика», «Эстетика», большое количество литературных курсов — по русской словесности, русской, советской, зарубежной, детской литературе. Помимо этого, функционировало немало эстетических факультативов — хор, «Руководитель кружка изобразительного искусства», «Руководитель детского вокального ансамбля», «Руководитель кружка “Мы идем по Ленинграду”».

Первые годы работы по этому замечательному плану были периодом поисков методики ведения курса и борьбы за его техническую оснащенность. Помимо этого, далеко не сразу курс занял достойное место в сознании студентов. Недопонимание роли художественной культуры в образовании было обычным явлением, а выражения — «а зачем нам это нужно», «а я музыку (живопись, архитектуру, искусство) не люблю» — достаточно типичными. Приходилось доказывать, что посещение музеев, театров, концертов, обычно считающееся «сферой культурного досуга», является одним из способов профессиональной подготовки. (Отметим, что рецидивы такого отношения, впоследствии крайне редкие, участились в самое последнее время, чаще — у приезжих выпускников педучилищ: «Я приехала сюда учиться, а не по музеям ходить...»). Все эти проблемы — недостаточное техническое оснащение курса, недоработанность методики его чтения и неукорененность в сознании студента, а также большая растянутость во времени при одном заключительном экзамене — были причиной того, что первые экзамены проходили весьма сложно: до трети неудовлетворительных отметок.

В дальнейшем чтение курса было ужато до трех семестров, затем до двух, но определенная пропорциональность позволяла добиваться не-

плохих результатов. Очень удачным оказался план 1992 г. Он включал «Историю художественной культуры» (2 семестра, 106 аудиторных часов), «Этику», «Эстетику», «Историю цивилизации», «Историю России», «Историю образования», ряд литературных дисциплин, — и очень важный курс «Социокультурный практикум», в ходе которого работа по практическому ознакомлению с основными культурными центрами города, которая велась прежде на общественных началах, была введена в русло предмета, завершающегося зачетом. Все три методики сохранялись в достаточном объеме. Кроме того, план включал 3 эстетических дисциплины по выбору студентов. Более того, предусматривалась и эстетическая специализация. Этот хорошо сбалансированный план дал отличные результаты. Средний экзаменационный балл по дисциплине был одним из самых высоких и достигал в отдельных группах 4,5 баллов. Результаты тестирования студентов отмечались даже на общеуниверситетском уровне. Естественно, все это отражалось в педагогической практике, НИРС. В рамках эстетической специализации по разным направлениям был выпущен ряд квалифицированных специалистов.

В плане 1993 г. количество часов на дисциплину было сокращено почти вдвое, но появился новый курс «Основы эстетического воспитания» (при сохранении «Основ теории музыки и детской музыкальной литературы», «Основ изобразительного искусства», «Трудового обучения», трех элективных курсов).

Эти и другие планы первой половины 90-х гг. давали возможность осуществлять качественную подготовку. Существенную роль сыграли и улучшение оснащения, методики и, конечно, отношения студентов.

Был период, когда преподавание «Истории художественной культуры» стало обязательным для всех педагогических специальностей, и это было правильно. Но впоследствии этот и другие предметы эстетического цикла были исключены из министерских планов. Благодаря пониманию роли предмета руководством факультета его удалось частично сохранить в *профиле* подготовки бакалавра под названием «История художественной культуры и основы эстетического воспитания» (т. е. модифицированным варианте самого первого интегрированного курса «Эстетическое воспитание с основами художественной культуры»). Некоторое время он велся в течение двух семестров, из которых собствен-

но «История художественной культуры» занимала один; при этом из коррелирующих дисциплин сохранялись лишь «Культурология», «Отечественная история», «История образования и педагогической мысли», «Детская литература». Методики объединились в «Современные технологии эстетического воспитания». У так называемых «английских» групп (студентов, получающих дополнительную квалификацию «Учитель английского языка») предмет исчез вовсе. Исчез и «Социокультурный практикум».

Это стало безусловным шагом назад. Результаты не замедлили сказаться. Один семестр на освоение истории художественной культуры человечества — все-таки очень мало даже для самого старательного и способного студента. Успеваемость вновь снизилась, правда, не до того уровня, который мы имели в начале чтения курса. Но пока курс еще исполнял роль базового и давал определенную направленность ценностной ориентации студентов в области искусства.

В дальнейшем ученым советом института детства был принят ныне действующий учебный план, в котором и этот курс был ликвидирован. Круг замкнулся. Мы вновь пришли к состоянию более чем двадцатилетней давности. Разница состоит в том, что компенсировать отсутствие базовой дисциплины организацией общественной работы в нынешних условиях вряд ли возможно.

Открытие специализированного профиля и магистратур, где курсы «История художественной культуры», «Современная художественная культура» представлены наряду со многими художественно и личностно ориентированными дисциплинами, является фактом, безусловно, отрадным, открывающим новые перспективы в работе кафедр. Но это в целом не решает проблемы общего уровня художественно-эстетической подготовки *всех* студентов университета (!), да еще Российского (!) государственного (!). Пока среди выпускников университета встречаются индивиды, не знающие даже, где находятся Мариинский театр, Русский музей и Эрмитаж, считающих явно избыточными для своего интеллекта сведения об авторстве картины «Последний день Помпеи» или оперы «Свадьба Фигаро», не представляющих, в каком веке жил Пушкин или Шостакович, эта подготовка не может считаться удовлетворительной.

Любое движение вперед, создание нового невозможно без разрушения чего-то старого.

Но это разрушение требует анализа прошлого, в котором следует отделить «зерно от плевел», и лишь на основе анализа делать выводы, разрушать и строить. Учебный план — стратегия образования. Она определяется ценностными целями общества. Наше общество, как никакое другое пострадавшее в XX в. от «революционных» преобразований, должно, казалось бы, выработать в себе иммунитет к такому и со всей возможной тщательностью, осторожностью продумывать, взвешивать такие «разрушительные» шаги, определяющие духовную направленность молодежи (а

значит, всего общества) на десятилетия вперед. Часто новое — это возрождение забытого. «Современный лозунг “вперед к Баху” является не ретроспективным, а обновляющим», — писал некогда Б. В. Асафьев. Особенно важно помнить об этом сейчас, когда наш университет получил грант на создание инновационной системы подготовки специалистов в области гуманитарных технологий в социальной сфере. Новое качество подготовки современного учителя должно базироваться на широком культурном кругозоре.